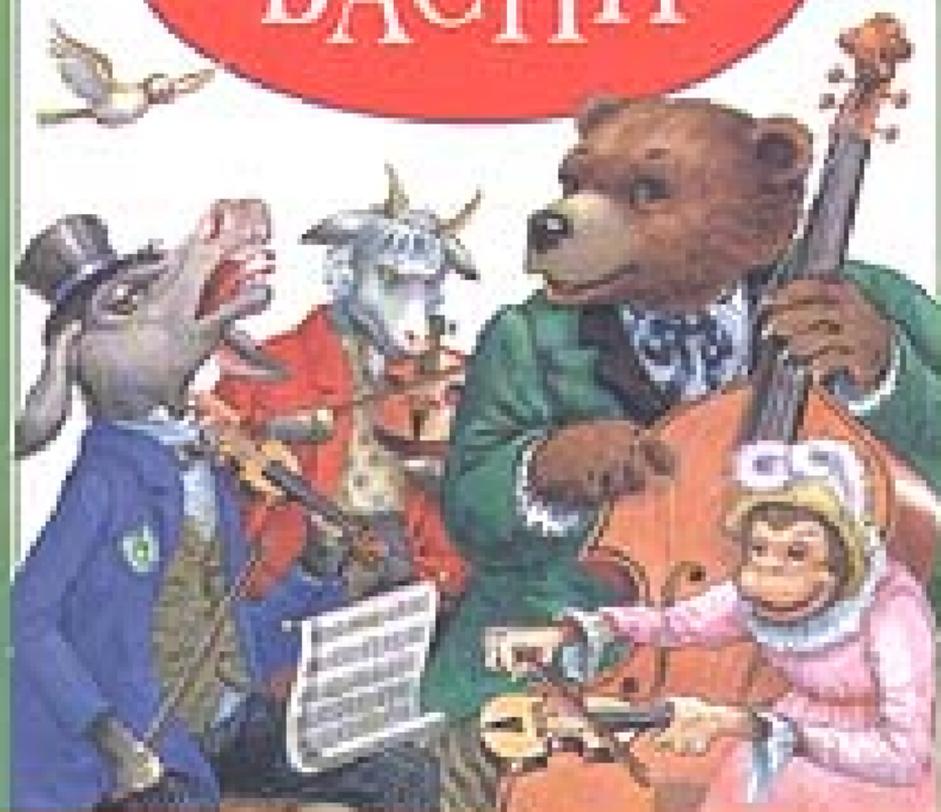

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

РОСМЭН

Басни // Росмэн, Москва, 2000
ISBN: 5-8451-0528-5, 5-257-00875-0
FB2: "Stranger" <[4pi@bk.ru] >, 10.02.2005, version 1.0
UUID: 09986603-A2AD-4B06-8940-4856E538623F
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Андреевич Крылов

Басни

Иван Крылов. Басни

Ворона и лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все
не впрок,

И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду, Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, –
Лисицу сыр пленил,
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голо-
сок!

Спой, светик, не стыдись!

Что ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица,

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньяина [1] с похвал вскружилась голо-
ва,

От радости в зобу дыханье сперло, –

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Ларчик

Случается нередко нам

И труд и мудрость видеть там,

Где стоит только догадаться

За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.

Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;

Ну, всякий Ларчиком прекрасным любо-
вался.

Вот входит в комнату механики мудрец.

Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с
секретом,

Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдается:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще
рвется.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.

Лягушка и вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним срав-
няться;

Она завистлива была.

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с
него?» –

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» –

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?» – «Почти что ниче-
го». –

«Ну, как теперь?» – «Все то ж». Пыхтела да
пыхтела

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнившись с Воллом,

С натуги лопнула – и околела.

Волк и ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слы-
шим

Но мы истории не пишем,
А вот о том как в баснях говорят...
Ягненок в жаркий день зашел к ручью на-
питься:

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечи-
стым рылом

Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такую

Я голову с тебя сорву». –

«Когда светлейший [2] Волк позволит,

Осмелюсь я донести, что ниже по ручью

От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу». –

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил;

Я этого, приятель, не забыл!» –

«Помилуй, мне еще и от роду нет году». –

Ягненко говорит. – «Так это был твой брат». –

«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват.

И, словом, кто-нибудь из ващего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите,

И если можете, то мне всегда вредите;

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». –

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! Устал я слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

Синица

Синица на море пустилась:

Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расслабилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой [3] сто-
лицы;

Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик [4], и самый тороватый
[5],

Не даывал секретарям.

Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:

«Вот закипит, вот тотчас загорится!»

Не тут-то: море не горит.

Кипит ли хоть? – И не кипит.

И чем же кончились затеи величавы?

Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А моря не зажгла
Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Белка

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, – спросил тут Дрозд, –
нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» –
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, – улетаю, Дрозд сказал: – то ясно мне,

Что ты бежишь, а все на том же ты окне». Посмотришь на дельца иного: Хлопочет, мечется, ему дивятся все: Он, кажется, из кожи рвется, Да только все вперед не подается, Как Белка в колесе.

Мартышка и очки

Мартышка к старости слаба глазами стала; А у людей она слыхала, Что это зло еще не так большой руки: Лишь стоит завести Очки. Очков с полдюжины себе она достала; Вертит Очками так и сяк: То к темю их прижмет, то их на хвост на-нижет, То их понюхает, то их полижет; Очки не действуют никак. «Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот ду-рак, Кто слушает людских всех врак: Все про Очки лишь мне налгали; А проку на волос нет в них». Мартышка тут с досады и с печали О камень такхватила их,

Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу кло-
нит;
А ежели невежда познатней,
Так он ее еще и гонит.

Собачья дружба

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа,
грелись.

Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом,
Но как они уж понаелись –
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем –
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О хude, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может, – говорит Полкан, – приятней
быть.

Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,

Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позаба-
вить,

И в дружнем счастье все свое блаженство
ставить!

Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:

Скажу я смело,

Мы б и не видели, как время бы летело». –

«А что же? это дело! – Барбос отвечает
ему: –

Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;

И из чего? Спасибо господам:

Ни голодно, ии тесно нам!

Притом же, право, стыдно:

Пес дружества слывет примером с давних
дней.

А дружбы между псов, как будто меж лю-
дей,

Почти совсем не видно». –

«Явим же в ней пример мы в паши време-

на, –

Вскричал Полкан: – дай лапу!» – «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравнять-

ся:

«Орест мой!» – «Мой Пилад!» [6] Прочь сва-
ры [7],

зависть, злость!

Тут повар, на беду, из кухни кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски несутся:
Где делся и совет и лад?

С Пиладом мой Орест грызутся, –
Лишь только клочья вверх летят;
Насилу наконец их разлили водою.
Свет полон дружбою такою.

Про нынешних друзей лъзя [8] молвить, не
греша.

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
Послушать – кажется, одна у них душа, –
А только кинь им кость, так что твои соба-
ки!

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на дра-
ку;

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;

В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьем,

Иной с ружьем.

«Огня! – кричат, – огня!»

Пришли с огнем.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол за-
дом.

Зубами щелкая и оцетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом

И что приходит наконец

Ему расчесться за овец, –

Пустился мой хитрец

В переговоры

И начал так: «Друзья! к чему весь этот

шум?

Я, ваш старинный сват и кум,

Пришел мириться к вам, совсем не ради
ссоры;

Забудем прошлое, оставим общий лад!

А я не только впредь не трону здешних
стад,

Но сам за них с другими грызться рад

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...» – «Послушай-ка, сосед, –

Тут Ловчий [9] перервал в ответ: –

Ты сер, а я, приятель, сед,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,

Как снявши шкуру с них долой»

И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Лисица и сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» –

Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик-куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска недоедала,

Ночей недосыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А все по клеветам Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать
клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько». –

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху».

Стрекоза и муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет;
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» –
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» –
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?

В мягких муравах [10] у нас –
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». –
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое все пела». –
«Ты все пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и
князь),

С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счету прилагал.
«Нет, – говорит, – что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком
ярко.

Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо!
Не знаешь век, что есть ночная тень,

И круглый божий год все видишь майский
день,

Никто там ни садит, ни сеет;

А если б посмотрел, что там растет и зреет!

Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!

Поверишь ли? Ну, право, был он с гору». –

«Что за диковина! – приятель отвечал. –

На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду

Вон, видишь ли через реку тот мост,

Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и
прост,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не сме-
ет:

До половины не дойдет –

Провалится и в воду упадет;

Но кто но лжет,

Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете». –

«А какова у вас река?» –

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»

—

«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —

«Поверить трудно!

Однако ж, как ни чудно,

А все чуден и мост, по коем мы пойдем,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней еще весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо». —

«Ну, не такое еще диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что там за дома:

В один двоим за нужду влезть,

И то ни стать, ни сесть!» —

«Пусть так, но все признаться должно,

Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нем пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...» –
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, –
Чем на мост нам идти, поищем лучше бро-
ду».

Щука и кот

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней;
Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного сове-
та.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.

Не знаю: завистью ее лукавый мучил
Иль, может быть, ей рыбный стол наску-
чил?

Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту
Мышей в амбаре половить.

«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, рабо-
ту? –

Стал Щуке Васька говорить. –

Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Недаром говорится,

Что дело мастера боится». –

«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей». –

«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засе-
ли.

Натешился, наелся Кот,

И кумушку проведать он идет:

А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,

И крысы хвост у ней отъели.

Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,

Кум замертво стащил ее обратно в пруд.

И дельно! Это, Щука,

Тебе наука:

Вперед умнее быть

И за мышами не ходить.

Крестьянин и работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо;
Все взапуски его ценят [11];
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!
Старик Крестьянин с Батраком
Шел, под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
И, где б его почать, лишь место выбирает;
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!» –
Из-под медведя он взмолился Батраку,
Вот новый Геркулес [12], со всей собрав-
шихся силой,
Что только было в нем,

Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал;
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй, – говорит, – за что?» – «За что,
болван!

Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

Петух и жемчужное зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит; «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть вид-
но,
Да сытно».
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

Обоз [13]

С горшками шел обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! кри-
во!»

Смелее! вот толчок опять.

А тут бы влево лишь принять.

Какой осел! Добро бы было в гору

Или в ночную пору;

А то и под гору, и днем!

Смотреть, так выйдешь из терпенья!

Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

Гляди-тко нас, как мы махнем!

Не бойсь, минуты не потратим,

И возик свой мы не свезем, а скатим!»

Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,

Тронулася лошадка с возом в путь;
Но, только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась:
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Слон на воеводстве

Кто знатен и силен,
Да не умен,

Так худо, ежели и с добрым сердцем он.
На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без уroda;

Наш Воевода [14]

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит,

Вот добрый Воевода видит –

Вступило от овец прошение в Приказ [15]:

«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас». –

«О плуты! – Слон кричит. – Какое преступленье!

Кто грабить дал вам позволение?»

А волки говорят: «Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к зиме на тулупы

Позволил легонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:

Всего-то придет с них с сестры по шкурке
снять,

Да и того им жаль отдать». –

«Ну то-то ж, – говорит им Слон, – смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

Пушки и паруса

На корабле у Пушек с Парусами
Восстала страшная вражда.

Вот Пушки, выставясь из портов [16] вон
носами,

Роптали так пред небесами:

«О боги! видано ль когда,

Чтобы ничтожное холстинное творенье

Равняться в пользах нам имело дерзнове-
нье?

Что делают они во весь наш трудный
путь?

Лишь только ветер станет дуть,

Они, надув спесиво грудь,

Как будто важного какого сану,

Несутся гоголем по Океану

И только чванятся; а мы – громим в боях!

Не нами ль царствует корабль наш на мо-
рях?

Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?

Нет, не хотим жить боле с Парусами;
Со всеми мы без них управимся и сами,
Лети же, помоги, могущий нам Борей [17],
И изорви в клочки их поскорей!»

Борей послушался – летит,дохнул, и вско-
ре

Насупилось и почернело море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, как горы;
Гром оглушает слух; слепит блеск молнии

взоры,

Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса,
Не стало их, утихла непогода;
Но что ж? Корабль без Парусов
Игрушкой стал и ветров и валов,
И носится он в море, как колода;
А в первой встрече со врагам,
Который вдоль его всем бортом страшно

грянул,

Корабль мой недвижим: стал скоро реше-
том,

И с Пушками, как ключ, он ко дну канул.
Держава всякая сильна,

Когда устроены в ней все премудро части:
Оружием – врагам она грозна,
А паруса – гражданские в ней власти.

Булат

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.
У мужика затеи не велики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лы-
ки,
А дома, запросто, лучину им щепать,
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычины к огороду.
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кру-
гом,
И дети ездят уж на нем
Верхом.
Вот еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:

«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?

И если про Булат

Так много громкого неложно говорят,

Не стыдно ли тебе щепать лучину,

Или обтесывать тычину,

И, наконец, игрушкой быть ребят?» –

«В руках бы война врагам я был ужасен, –

Булат отвечает, – а здесь мой дар напрасен;

Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому.

Но разве я свободен?

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,

Кто не умел понять, к чему я годен».

Осёл и соловей

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!

Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое услышав пенье,
Велико ль подлинно твое уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

Внимало все тогда
Любимцу и певцу Авроры [18];
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осел, уставясь в землю
лбом,

«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Еще б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился»,
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул – и полетел за тридевять полей.
Избави бог и нас от этаких судей.

Дерево

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик, – Деревцо сказала моло-
дое, –

Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес;
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы;
Такие надо мной он сплесть изволил сво-
ды!

Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалась красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».

Взялся крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу.
Вкруг Девца большой очистился про-
стор;

Но торжество его недолго было!
То солнцем Дерево печет,
То градом, то дождем сечет,
И ветром наконец то Девцо сломило.
«Безумное! – ему сказала тут Змея, –
Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало
И время их бы отошло,
Тогда, в свою черду, ты столько б возросло.
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случи-
лось.

И бурю, может быть, ты б выдержать мог-
ло!»

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ.

Известно, что Слоны в диковинку у нас,
Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.

Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться;

Ну так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, –

Ей Шавка говорит, – тебе ль с Слоном во-
звиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет

Вперед

И лаю твоего совсем не примечает. –

«Эх, эх! – ей Моська отвечает, –

Вот то-то мне и духу придает,

Что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

«Ай, Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!»

Кот и повар

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил [19]),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.

Но что же, возвратись, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчон-
ком.

«Ах ты, обжора! ах, злодей! –
Тут Ваську Повар укоряет: –
Не стыдно ль стен тебе, не только что лю-
дей?»

(А Васька все-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства ка-
жут, –

А ты... ахти какой позор! Теперь все соседи
скажут:

«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де не только что в поварню,

Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает да ест.)
Тут ритор [20] мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.
А я бы повару иному Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Лев и комар

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги.
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев:
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник [21], сам трубач, пищит во всю

гортань

И вызывает Льва на смертоносну брань.

Льву смех, но ваш Комар не шутит:

То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он тру-
бит!

И, место высмотрев и время улуча,

Орлом на Льва спустился

И Льву в крестец всем жалом впился.

Лев дрогнул и взмахнул хвостом на труба-
ча.

Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!

Льву сел на самый лоб и Львину кровь со-
сет.

Лев голову крутит, Лев гривую трясет.

Но наш герой свое несет:

То в нос забьется Льву, то в ухо Льва уку-
сит.

Вздурился Лев,

Престрашный поднял рев,

Скрежещет в ярости зубами,

И землю он дерет когтями.

От рыка грозного окружный лес дрожит,

Страх обнял всех зверей; все кроется, бе-
жит:

Отколь у всех взялися ноги,

Как будто бы пришел потоп или пожар!
И кто ж? – Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он ми-
ром:

Из Ахиллеса [22] вдруг становится Омиром
[23]

И сам

Летит трубить свою победу по лесам.

Гуси

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гуси-
ный:

На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:

«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гу-
сей,

Которым некогда был должен Рим спасе-
ньем [24]:

Там даже праздники им к честь учрежде-
ны!» –

«А вы хотите быть за что отличены?» –
Спросил прохожий их. «Да наши пред-
ки...» – «Знаю

И все читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» –
«Да наши предки Рим спасли!» –
«Все так, да вы что сделали такое?» –
«Мы? Ничего!» – «Так что ж и доброго в вас
есть?

Оставьте предков вы в покое:
Им поделом была и честь,
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».
Баснь эту можно бы и боле пояснить
Да чтоб гусей не раздражить.

Листы и корни

В прекрасный летний день
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами [25] шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас? Ну, право
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрыва-
ем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». –
«Примолвить [26] можно бы спасибо тут и
нам», –
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надмен-

но!

Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» –
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, –
Им снизу отвечали, –
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы – Корни дерева, на коем вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас,
Что с новою весной лист новый народится:
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас».

Квартет

Проказница-Мартышка,
Осел,

Козел

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, баса, альта [27], две скрипки

И сели на лужок под липки –

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. –

Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
та,

Я, прима, сяду против вторы [28];

Тогда пойдет уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он все-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет, –

Кричит Осел, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд,

А все-таки Квартет нейдет на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решать
сомненье:

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час тер-
пенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!» –

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уме-
нье

И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей. –

А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь».

Скворец

У всякого талант есть свой;
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чем он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был
конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петъ щегленком научился,
Как будто бы щегленком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соло-
вья, —

А Скворушка завистлив был, к несча-
стью, —

И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел,
Да только лишь совсем особым складом:

То он пищал, то он хрипел,
То верещал козленком,
То непутем
Мяукал он котенком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пе-
нъем.

Мой милый Скворушка, ну что за прибыль
в том?

Пой лучше хорошо щегленком,
Чем дурно соловьем.

Лебедь, щука и рак

Когда в товарищах согласия нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав – судить не
нам;
Да только воз и ныне там.

Любопытный

«Пряатель дорогой, здорово! Где ты был?»
«П_

«В кунсткамере [29], мой друг! Часа там
три ходил;

Все видел, высмотрел; от удивленья,

Поверишь ли, не станет ни уменьья

Пересказать тебе, ни сил

Уж подлинно, что там чудес палата!

Куда на выдумки природа торовата!

Каких зверей, каких там птиц я не видал!

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Одни как изумруд, другие как коралл!

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки!» –

«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!

Я чай, подумал ты, что гору встретил?» –

«Да разве там он?» – «Там». – «Ну, братец,

виноват:

Слона-то я и не приметил»

Мышь и крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? –
Вбежавши, Крысе Мышь сказала. –
Ведь кошка, говорят, попалась в когти
льву?»

Вот отдохнуть и нам пора настала!» –

«Не радуйся, мой свет, –

Ей Крыса говорит в ответ. –

И не надейся по-пустому!

Коль до когтей у них дойдет,

То, верно, льву не быть живому;

Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:

Когда боится трус кого,

То думает, что на того

Весь свет глядит его глазами.

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». –
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» –
«Я три тарелки съел». – «И полно, что за
счеты:

Лишь стало бы охоты, –
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна;
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же еще тарелку он берет,
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не
терплю.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой ми-

ЛЫЙ!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Лев на ловле

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить
И, что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разми-
ная
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает

И говорит: «Мы, братцы, вчетвером»
И начетверо он оленя раздирает.
«Теперь давай делить! Смотрите же, друзья;
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

Зеркало и обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть». –

«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» –
Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту про-
пал.

Волк и журавль

Что волки жадны, всякий знает;

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает,

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул к Волку в пасть и с трудностью
большею

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный, –

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унес!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

Трудолюбивый медведь

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг).
Медведь задумал жить такими же труда-
ми.

Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березника и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не дается ремесло
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чем есть тут главное уменье?» –
«В том, – отвечал сосед, – Чего в тебе, кум,
вовсе нет:
В терпенье».

Лисица и виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.
Пробившись попусту час целый,
Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

Свинья под дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, –
Ей с Дубу Ворон говорит, –
Коль корни обнажишь, оно засохнуть мо-
жет».

«Пусть сохнет, – говорит Свинья, –
Ничуть меня то не тревожит,
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жи-
рею». –

«Неблагодарная! – примолвил Дуб ей тут, –
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».
Невежда так же в ослепленье
Бранит науку и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Две бочки

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая

Пустая.

Вот первая себе без шуму и шажком

Плетется,

Другая, вскачь несется;

От ней по мостовой и стукотня, и гром,

И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху
жметя,

Ее заслышавши издалека

Но как та Бочка ни громка,

А польза в ней не так, как в первой, вели-
ка.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,

В том, верно, мало толку.

Кто делов [30] истинно, – тих часто на сло-
вах.

Великий человек лишь громок на делах,

И думает свою он крепку думу

Без шуму.

Две собаки

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне,
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну что, Жужутка, как живешь
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?»
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?» –
«На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает.
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,

Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живешь?» – «Я, – отвечал Барбос,
Хвост плетью спустя и свой повеся нос, –
Живу по-прежнему: терплю и холод
И голод
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под до-
ждем;

А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал [31]
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот
прекрасно! –

С насмешкой отвечал Жужу, –
На задних лапках я хожу».
Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках
ходят!

Кошка и соловей

Поймала Кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки – без ума.
Хотела б очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю

дам
И отпущу гулять по роцам и лесам
В любви я к музыке тебе не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же? – продолжает Кошка. –
Пропой, дружок, хотя немножко».

Но наш певец не пел, а только что пищал,
«Так этим-то леса ты восхищал? –
С насмешкою она спросила. –
Где же эта чистота и сила,
О коих все без умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье ты вовсе не иску-
сен.

Все без начала, без конца.
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вку-
сен!»

И съела бедного певца
До крошки
Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

Рыбья пляска

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышел из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их собрался.
Бедняжки дрыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? Что делаешь?» – спросил сердито

Лев.
«Всесильный царь! – сказал Мужик, оторопел. –

Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». –

«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» –

«Великий государь! Здесь не житье им – рай!

Богам о том мы только и молились,

Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)

—
«Да отчего же, – Лев спросил, – скажи ты мне,

Они хвостами так и головами машут?» –

«О мудрый царь! – Мужик ответствовал. –

Оне От радости, тебя увидя, пляшут».

Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,

Еще изволя раз на пляску их взглянуть,

Отправился в дальнейший путь.

Кукушка и петух

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» –

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певицы нет!» –

«Тебя, мой куманек, век слушать я готов». –

«А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,

Чтоб начала ты снова...

Отколь такой берется голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни – что твой соловей!» –

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,

Поешь ты лучше райской птички.

На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!

Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, –

Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

Камень и червяк

«Как расшумелся здесь! Какой невежа! –
Про дождик говорит на ниве Камень,
лежа. –

А рады все ему, пожалуй, – посмотри!

И ждали так, как гостя дорогого,

А что же сделал он такого?

Всего-то шел часа два-три

Пускай же обо мне расспросят!

Так я уж веки здесь; тих, скромн завсегда,

Лежу смирнехонько, куда меня ни бросят,

А не слышал себе спасибо никогда.

Недаром, право, свет поносят:

В нем справедливости не вижу я никак». –

«Молчи! – сказал ему Червяк. –

Сей дождик, как его ни кратко было время,

Лишенную засухой сил

Обильно ниву напоил,

И земледельца он надежду оживил;

А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет,

А проку в нем, как в этом Камне, нет.

Муравей

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верный)
Мог поднимать больших ячменных два
зерна!

Притом и в храбрости за чудо почитался:

Где б ни завидел червяка,

Тотчас в него впивался

И даже хаживал один на паука.

А тем вошел в такую славу

Он в муравейнике своем,

Что только и речей там было, что о нем.

Я лишние хвалы считаю за отраву;

Но этот Муравей был не такого нраву:

Он их любил,

Своим их чванством мерил

И всем им верил;

А ими наконец так голову набил,

Что вздумал в город показаться,

Чтоб силой там повеличатся.

На самый крупный с сеном воз

Он к мужику спесиво вполз

И въехал в город очень пышно.

Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя
Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
То припадет он, то привстанет –
Никто не видит Муравья.
Уставши наконец тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.
Так думает иной
Затейник, Что он в подсолнечной [32] гремит,
А он – дивит
Свой только муравейник.

Орёл и пчела

Счастлив, кто на чреде трудится знамени-
той:

Ему и то уж силы придает,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости со-
крытый,

За все труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестями не льстится
И мыслью оживлен одной:

Что к пользе общей он трудится.
Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орел однажды ей с презреньем:

«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!

Вас в улье тысячи все лето лепят сот:
Да кто же после разберет
И отличит твои работы?

Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век и что ж иметь в ви-
ду?

Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!

Когда, расширися шумящими крылами,

Ношуся я под облаками,
То всюду рассеваю страх.
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес [33] свои щедроты!

А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля меду есть».

Вещунья – предсказательница. В народных легендах и сказках ворон, ворона изображаются как вещие птицы.

[^^^]

2

Светлейший – в царской России почечное обращение к князю.

[^^^]

3

Нептун – у древних римлян бог моря «Нептун-нова столица» – море.

[^^^]

4

Откупщик – богатый купец, откупавший у царского правительства право торговать водкой, табаком и т. п.

[^^^]

Тороватый– щедрый.

[^^^]

6

Орест и Пилад – легендарные герои Древней Греции, прославившиеся своей крепкой дружбой.

[^^^]

7

Свара – ссора, перебранка.

[^^^]

8

Льзя – можно (старинное русское слово).

[^^^]

Ловчий – охотник, который управлял у помещика охотой с собаками. Здесь под ловчим подразумевается великий русский полководец М. И. Кутузов. Волк – Наполеон, который, вступив в 1812 году в Москву, скоро понял, что проиграл войну, и запросил мира. Крылов написал эту басню в 1812 году и послал ее в армию Кутузову.

[^^^]

Мурава – трава.

[^^^]

Ценят – здесь: бранят, ругают.

[^^^]

12

Геркулес – герой сказаний (мифов) Древней Греции, прославившийся своей необычайной силой.

[^^^]

Басня написана во время войны 1812 года. «Конь добрый» – главнокомандующий русской армии М. И. Кутузов. Сберегая силы для решительного боя, Кутузов вел войну осторожно, отступал, заманивая врага в глубь страны, и наконец разбил и уничтожил огромную, считавшуюся непобедимой армию Наполеона. «Лошадь молодая» – царь Александр I и его окружение, которые не понимала планов Кутузова и были недовольны его медлительностью.

[^^^]

Воевода – начальник войск, а также начальник города или округа в старой Руси.

[^^^]

Приказ – в старину Приказами назывались правительствен-ные учреждения.

[^^^]

16

Порт – здесь: отверстие в борту судна для пушечных стволов.

[^^^]

Борей – северо-восточный ветер.

[^^^]

Аврора – богиня утренней зари у древних римлян.

[^^^]

Тризну правил – справлял поминки по умершему.

[^^^]

Ритор – оратор, который произносит речи пышные, красивые, но пустые, бесполезные.

[^^^]

Ратник (старинное русское слово) – воин.

[^^^]

Ахиллес – легендарный герой Древней Греции, храбрый воин.

[^^^]

Омир – Гомер, поэт Древней Греции, прославивший в своих песнях подвиги героев.

[^^^]

«Которым некогда был должен Рим спасением» – Существует легенда о том, что очень давно на Древний Рим напали враги. Ночью они тайно окружили город. Гуси услышали приближение врага и своим криком предупредили об опасности.

[^^^]

Зефир – легкий, теплый ветер.

[^^^]

Примолвить – сказать, прибавить к тому, что уже сказано.

[^^^]

Альт и бас – музыкальные струнные инструменты.

[^^^]

Прима – первая скрипка в оркестре, втора –
вторая скрипка.

[^^^]

Кунсткамера – старинное название музея, в котором собраны редкости и диковинки.

[^^^]

Делов – деловой, трудолюбивый.

[^^^]

«В случай попал». – В старину так говорили о человеке, неожиданно заслужившем особую милость царя или знатного человека.

[^^^]

Подсолнечная – то, что находится под светом солнца, то есть земля, мир.

[^^^]

Зевес, или Зевс, – по верованиям древних греков, бог неба и повелитель всех других богов.

[^^^]